

III

РУССКИЕ СВЕТСКИЕ САДЫ XVII ВЕКА

описании своего путешествия в XVI в. по России Адам Олеарий пишет: «Хорошей зелени и цветочных растений в прежние годы в России было не много. Но прежний великий князь, предместник настоящего, вскоре по прибытии нашем в Москву, приказал устроить свой сад и украсить его всевозможными дорогими растениями и цветами. До этого времени не знали также там о хорошей, полной розе, довольствуясь и украшая сады свои просто дикою розою, или шиповником. Назад тому только несколько лет один знатный купец, Петр Марцелий, привез в Москву первые полные садовые розы из Готторфского сада моего милостивейшаго князя и государя, и розы эти принялись там как нельзя лучше».¹

Свидетельство Олеария очень важно. Оно говорит о том, что светские сады в России были уже не позднее XVI в. и что они «украшались», т. е. не были чисто утилитарными.)

Об огромном количестве государевых садов в Москве и в Подмосковье в конце XVII в., что само по себе свидетельствует о наличии большой и длительной «садовой» традиции, дает представление хранящаяся в Рукописном отделе Гос. Исторического музея рукопись — «Список дворцовых садов на Москве и в Московском уезде дворцовых сел» 1705 г. (фонд Барсова, ед. хр. 450).² В селе Преображенском — сад

¹ Адам Олеарий. Книга третья. Описание нового путешествия в Персию, повествующая о России и ея жителях. Глава II. О свойстве воздуха, грозы (бури), о качестве почвы, о растениях и садах страны. — Чтения Общества истории и древностей российских, 1868, июль—сентябрь, кн. III. М., 1868, с. 121.

² Полное название рукописи такое: «Книга какова прислана ис приказа Большого дворца в Ингермонландскую дворцовых дел канцелярию в прошлом 705-м году

у «передних ворот» и «Малый сад». В селе Измайлове — «три сада да огород». В селе Коломенском 6 садов. Из них особенно — «сад старый большой по сторон государева двора». Затем: сад в «приселке» Борисове, три сада в селе Покровском, сад в селе Павловском, в Можайске «другой сад». Много государевых садов указано в Новгороде, из них самый значительный «сад Словенской на Словенской болшой улице». Сады в Новгороде шли «по обе стороны городовые стены», сад был на Городище, сад «на погосте Большой земли», сад на «Ключевой земли», сад «на Горной земли», сад «в Бурешском погосте» и пр.

В Москве был еще «Аптекорской сад» по Большой улице у Неглинской, «где был Воловей двор». Был еще и Васильевской сад в Белом городе «у Яуских ворот».

Дворцовые села вокруг Москвы еще в XVI в. имели сады: Красное, Рубцово, Черкизово, Воробьево, Коломенское. Имела сады и московская знать. Сад был в Александровской слободе, в Борисове городке в конце XVI в. В Борисове городке, — как это видно из описи 1664 г., — резиденции Бориса Годунова — был правильной формы сад с большим прудом, искусственным островом на пруде, Лебяжьим двором. «В саду были потешные чердаки (беседки, — *Д. Л.*) и ездили на лодках».³

Не перечисляю всех садов.

Наряду с плодовыми деревьями, ягодными кустами, как явствует из описи, в основных садах разводились цветы и душистые травы: касатики, лилеи желтые и белые, гвоздика душистая, гвоздика ранняя, калужер, розы травные, пижмы, мята немецкая, пионы кудрявые, кусты иссопа, тюльпаны, девичья краса, пионы «сухаватые», гвоздика репчатая, орлик, кусты «мамрасу», фиалки лазоревые, фиалки желтые, кусты винограда, «сереборинник русский и немецкий», белый и красный и т. д., и т. д. Исследование всех этих сортов цветов должно быть проведено историками цветоводства. Отмечу только, что наряду с декоративными кустами и цветами в садах сажались и деревья, явно не для дохода, а для красоты: кедр, пихта и другие, а также сажался исключительно для красоты и виноград (для государева дворцового обихода съедобный виноград привозился из Астрахани). Что сады делались не только утилитарные, но и «для прохлады», ясно свидетельствует наличие в них большого числа различных садовых построек для отдыха — теремцов, беседок и прочего, а также забота о красоте оград, об устройстве красивых ворот. О красивых оградах с балясинами и воротах дают представление их изображения в рукописях различных «Вертоградов».

июня в 16 день, а в ней является что на Москве и в селах государевых садов и им мера длинник и поперечник и что каких дерев и у тех садов садовников и государева им денежного и хлебного жалованья» (л. 1).

³ *П. А. Раппопорт*. Борисов городок. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 44, т. 3. М., 1955, с. 59—76.

Сады «красные» (т. е. красивые) должны были одновременно услаждать вкус и обоняние. Об этом впоследствии писал Андрей Денисов в одном из своих писем: «Яко же кто посещением касается прекрасного и доброплодного сада, таковой наслаждается зрением красоты, обонянием благоухания, вкушением пресладких плодов...».⁴

Несмотря на наличие многочисленных работ И. Забелина,⁵ специально или попутно касающихся русских садов второй половины XVII в., в искусствоведческом плане сады эти остаются не определенными, не охарактеризованными. У Забелина есть, однако, одно чрезвычайно важное замечание: для XVII в., пишет Забелин, «удивление было равносильно красоте».⁶ Если исходить только из одного этого замечания, то уже по нему мы можем догадываться, что эстетика русского XVII в. была близка к Барокко, так как последнее всегда стремилось поражать, изумлять, разнообразить впечатления, множить «курьезы», раритеты, создавать кунсткамеры и т. д.

Материалы, собранные И. Забелиным, достаточно ясно свидетельствуют, что сады Московского Кремля и подмосковного Измайлова, где любил жить Алексей Михайлович, были садами, примыкающими по стилю к голландскому Барокко.

И действительно, о голландском характере московских садов свидетельствует не только их общий характер, но и конкретные связи, которые в XVII в. протягивались между Москвой и Голландией в области искусств. В частности это сказалось в факте приглашения голландских мастеров для работы в Оружейную палату.⁷

Московские сады имели «зеленые кабинеты», располагались уступами (террасами), стремились к разнообразию и обилию. В них были беседки («чердаки»), кресла («троны»),⁸ «царское место», теремы, шатры, шат-

⁴ Гос. Публичная библиотека, О.ХV.15, л. 31—31 об. Сообщено мне Н. В. Понырko.

⁵ Главные из работ И. Забелина: 1) Московские сады в XVII столетии. — Журнал садоводства, 1856, № 8; 2) Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I. М., 1862; 3) Выписка заморских деревьев в 1654 году. — Журнал садоводства, 1859, январь, отдел «Смесь»; 4) Материалы для истории города Москвы. М., 1884; 5) История города Москвы. М., 1905; 6) Опыт изучения русских древностей и истории, ч. II. М., 1873. До И. Забелина писал также И. М. Снегирев: Взгляд на историческое садоводство в Москве до Петра I. — Ведомости Московской городской полиции, 1853, № 168.

⁶ И. Е. Забелин. Черты русской жизни в XVII столетии. — Отечественные записки, 1857, № 1, с. 339.

⁷ А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. IV. М., 1916, с. 8, 15.

⁸ Типичные для Барокко тяжелые и пышные садовые кресла были распространены в Европе особенно в XVII в. Правда, самое старое в Англии железное кованое садовое кресло в готическом стиле относится к XVIII в. (находится сейчас в Лондоне в Victoria and Albert Museum; см.: John Hardy. The Garden Seat 1650—1850. — The Connoisseur, June 1979, p. 118—123). Эти, как их по-русски в свое время называли, «сиделки» предназначались для уединенного наблюдения природы. Самое старое из сохранившихся в России садовых кресел — «царское место» в Коломенском —

рики, смотрильни, типичные для голландского Барокко балюстрады, отделявшие один «кабинет» от другого, и т. д. Сады предназначались для уединенных размышлений, огораживались высокими изгородями (стенами), в которых делались окошки для обзора окружающей местности, «меняли природу»: создавались пруды с неестественно высоким уровнем воды, на прудах делали островки уединения (в Измайлове), пускали плавать целые флотилии потешных судов (небольшие лодки — как бы модели больших кораблей), стремились населить сады необычными и поющими птицами и собрать в них возможно большее число редких растений, из которых преимущество отдавалось душистым и плодоносящим. Наконец, не следует забывать, что сады были местом учения царских детей. В селе Коломенском в более поздние времена — в XVIII и XIX вв. показывали дуб, под которым Зотов учил Петра I.⁹

Все это создавало садовую атмосферу голландского Барокко.

В XVII в. в садах появляется элемент «курьезности». «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого помогает это понять. Если прежний «Лимонис» был серьезным и «прямым» собранием всего лучшего, что могла дать духовная литература, то «Вертоград многоцветный» Симеона был собранием энциклопедическим и занимательным прежде всего. Занимательность и даже элемент иронии проникает в «сады» литературы и в сады, осуществлявшиеся в натуре. Идея просветительного характера сада, идея учения, сообщения знаний отчетливо выражена Симеоном Полоцким в его «Вертограде многоцветном».¹⁰ В предисловии к «Вертограду» Симеон пишет:

«Предисловие ко благочестивому читателю.

Твари светом разума во плоти от бога украшенной обычай есть: еже аще кому прилучится во вертоградех богатых быти, и различных цветов сладким благовонием и сердцевеселящим доброличием и краснолепым цветением увеселится и о ползе их здравию телесному много и скоро

имеет несколько иное назначение: это все-таки не столько садовое кресло, сколько трон, с которого Алексей Михайлович наблюдал за церемониалом соколиной охоты на противоположном берегу Москвы-реки, где располагались обширные заливные луга. Одиночные железные кованые «сиделки» XVIII в. в стиле Рококо были еще на моей памяти в Старом, или Голландском, саду в Царском Селе, и помещались они обычно перед цветочными клумбами, перед фонтанами или с видом на пруды и озера. Их было всего несколько. Небольшие кованые диваны в стиле Рококо были и в Царском, и в Павловске — их было больше.

⁹ С. М. Любецкий. Окрестности Москвы в историческом отношении и в современном их виде для выбора дач и гулянья. М., 1880, с. 142—149.

¹⁰ Цитирую по экземпляру, хранящемуся в Библиотеке Академии наук СССР. Полное его название следующее: «Вертоград многоцветный ползы ради душевныя православных христиан, божием наставлением и пособием, а трудоположением многогрешнаго во перомонасех Симеона Полоцкаго утяжаный и насажденный в лето от создания мира 7186, а от рождества еже по плоти бога слова 1678 совершися месяца августа 2 день». Рукопись привезена в Петербург из Кремлевской царской библиотеки Петром I.

успешной извещенну быти, то абие всеусердное тщание полагати, да от тех же обилия нечто себе получит и в домашних своих оградах или на сеет семена или насадит корение на общую ползу и веселие всем домашним и не успевшим отстоящих посетати вертов цветоносных. . . человек нест зверь дивый, но содружный, от него дуже градове и села вино насаждения приша: да во содружестве жителствующе взаим помощ нам деем. . .

И Господ, яве истяжуц быти показуется, занеже не единому человеку, не единому селу, граду или царству вся нуждная отаи есть, но различным странам различная земли плоды, роды их, виды и сила, художества же, обилия, богатства, искусства, благовония дарствовати, да вси всех требующе, нуждею ко знаемости и дружеству убеждаеми, любовь взаим творимую стяжем. Аще же в чювственных мирскому сожитию палезных сицега обычай, не токмо гаждени непричастен, но ублажения достоин, калми паче. . .» и т. д. (л. 2—2 об.).

К теме «вертограда»-сада Симеон Полоцкий неоднократно обращается и в тексте своих стихов. Стихи для него — те же цветы, служащие разумлению человека, его учению и его моральному наставлению. Подчеркивается «мимотекущность» красоты, ее скорое исчезновение — тема, типичная для Барокко. Вместе с тем сад символизирует собой богатство и разнообразие мира. Симеон пишет о «пребогатоцветных вертоградах» (л. 2 об.), о том, что «цвѣта красоты сам Господь устроитель» (л. 239 об.), что «блага воня (благовоние, — Д. Л.) в кринах от Бога бывает» (л. 239 об.), и о том, что в садах «в немнозе пространстве многшая заключающеса» (л. 3 об.).

В стихотворении «Глас последний ко Господу богу» Симеон Полоцкий пишет:

Сад новый, аще водами поится
цветет, и овощ от него родится.
Ты ум свой словом Бога да поиши,
добродейный плод да сотвориши.

(л. 14)

Выходной лист «Вертограда» несет на себе изображение сада и главного атрибута сада — его ограды, причем отдельные элементы этой ограды (ворота, столбы, прорези в ограде и пр.) также имеют явные признаки стиля Барокко: Барокко московского.

Сочинения, создаваемые «по образцу» садов и называемые фигурально «садами», «вертогородами», «огородами», встречаются в конце XVII в. и у других авторов, завися в известной мере от польской литературной традиции. Лазарь Баранович опубликовал в Чернигове в 1680 г. на русском и польском следующее сочинение: «Цветы святых оправ в венец божией матери». «Вертоград духовный, различными цветами благоугоднаго учения украшенный» принадлежал Гавриилу Домец-

кому и был составлен им в 1685 г. В статье «Ко читателю» главной задачей своего «Вертограда духовного» Гавриил считает «врачевство» — как «внутреннего, яко и внешнего человека доброе начало».¹¹

* * *

(Сады) в Москве и под Москвой были не только для красоты, от них получали плоды и ягоды. Однако не следует это практическое назначение преувеличивать и противопоставлять его эстетической значимости московских садов. На Западе также в садах, в их «зеленых кабинетах», было много плодоносящих деревьев и кустов. Плодоносность была, как я уже неоднократно указывал, одним из элементов садовой эстетики во все века. Плод считался таким же красивым, как и цветок: красив видом и вкусом. В саду должно было быть услаждение не только зрения, но слуха, обоняния и вкуса. То, и другое, и третье служило основанием для удивления перед мудростью мира. Поэтому эстетический момент не уменьшается от того, что русские предпочитали в своих садах сажать «полезные» растения.

Как видно из документов, приводимых И. Забелиным, русские были озабочены тем, чтобы в садах их были не только плодоносящие деревья, кусты и иная растительность, но чтобы вся даваемая ими снедь была в какой-то мере экзотической.¹² Особенно много усилий делалось, чтобы пересадить в московские сады виноград. И это потому, что виноградное дерево считалось райским, как и яблоня.

(Характерная особенность русских садов XVII в. — висячие сады.) И. Забелин пишет: «... в начале XVII ст. верховые сады были устроены при хоромах государя царевича Алексея. Комнатный сад Михаила Федоровича поддерживался и старательно украшался и при Алексее. В 1668 г. в этом саду поставлено было царское место, великолепно украшенное живописью. Перила и двери были также расписаны красками».¹³ Из последнего замечания видно, что это были внешние сады на уровне комнат, а не сады в комнатах, что по тем временам вряд ли могло и быть. Сады эти устраивались на сводах хозяйственных зданий, над погребами, подвалами и т. п.¹⁴

«Каждое отделение дворца, — пишет И. Забелин, — имело свой собственный, отдельный садик».¹⁵

Помимо «верховых» или «комнатных» садов в Кремле было два глав-

¹¹ Библиотека Академии наук СССР. П. I. А, л. 77 (см.: Библиотека Петра I. Указатель-справочник. Сост. Е. И. Боброва. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1978, с. 23).

¹² См. об этом же применительно к Англии в трактате: *Ralf Austen. A Treatise of Fruit Trees.* London, 1653.

¹³ И. Забелин. Московские сады в XVII столетии, с. 13.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

ных «набережных» каменных и «красных» сада — Верхний и Нижний.¹⁶ Первый располагался «на сводах большого каменного здания, фасад которого со стороны Москвы-реки опускался до подошвы кремлевского подвала или до самого берега. Это здание в XVII столетии называлось запасным, а в XVIII — комиссариатским двором. В нем сохранялись запасы хлеба и соли».¹⁷ Сад простирался на 62 сажени в длину, но был сравнительно узок. Нижний сад также располагался на сводах здания «подле Набережной палаты к Тайницким воротам».¹⁸ Комнатные сады располагались и у Потешного дворца. У последнего была «Потешная площадка», на которой малолетний Петр потешался воинскими играми с «малыми ребятами».¹⁹ Цветники и «грядки» находились в этих комнатных садах в ящиках. О Верхнем саде в Кремле И. Забелин пишет: «Верхний сад... был обнесен каменной оградой с частыми окнами, которая составляла собственно стены здания, где помещался сад. Из окон, украшенных резными раскрашенными решетками, открывался обширный вид на Замоскворечье. В таком виде сад изображен на панораме Москвы, изданной в Голландии при Петре Великом (Достопамятности Моск. Кремля, г. Вельтмана).

Среди сада находился пруд, в который вода проведена была с Москвы-реки, посредством водовзводной машины, устроенной в угольной Кремлевской башне, получившей от того название Водовзводной. Подле сада стояла другая такая же водовзводная башня, построенная в 1687 г. Верх ее украшался часами, а в середине помещалась машина, наполнявшая пруд водою. В пруде и в разных местах сада были фонтаны, или водометы, называвшиеся также водяными взводами. В углах сада, с набережной стороны, стояли два чердака,²⁰ или терема, украшенные резьбою и расписанные узорочно красками. Это были беседки. На пруде этого Верхнего сада малолетний Петр Алексеевич плавал в лодках, в потешных маленьких корбусах и ошняках (шнеках), украшенных обыкновенно резьбою и красками».²¹

Набережные сады были на разных уровнях — высоко над уровнем Москвы-реки. Со стороны последней недалеко от Водовзводной башни располагался Верхний набережный сад на крыше Запасного дворца. Здесь же на крыше с машиной для подъема воды, устроенной в 1623 г. Христофором Галовеем, в специальном свинцовом резервуаре был сделан в 1681 г. большой пруд, в котором плавала целая потешная флотилия.

¹⁶ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., с. 72.

¹⁷ Там же, с. 74.

¹⁸ Там же, с. 75.

¹⁹ Там же, с. 79.

²⁰ «Чердаками» назывались открытые помещения и отдельные строения, у которых не было стен, а крыша держалась на столбах или стенках, не закрывавших с них вида, а к ним — доступа воздуха.

²¹ И. Забелин. Московские сады в XVII столетии, с. 12.

Западнее Верхнего набережного сада на крыше каменного здания в 1681 г. был устроен Нижний набережный сад со специальной (другой) водовзводной башней с часами. Севернее обоих садов рядом с Постельным крыльцом и Шатерной палатой помещался Комнатный сад. Комнатным он назывался не потому, что помещался в комнатах, а потому, что располагался, как я уже писал, рядом с жилыми помещениями и имел вход прямо из дворцовых комнат.

О потешной флотилии И. Забелин пишет в другой своей работе: «В июне 1682 г. плотники делали на этот пруд лодки и тесали тес на дело корбуса, а в 1683 г. сюда же сделаны были два потешных корбуса и потешный ошняк с чердаками или беседками, узорочно украшенные резьбою и расписанные красками. В 1684 г. эти потешные суда были починены, и вновь куплены у торговых людей лодка и комяга (род лодки однодеревной) с веслами, лодка за 2 рубли, комяга за 29 алт., 4 денги. В последующие годы те же потешные корбусы, шняги, суды и стружки появились уже в Преображенском на Яузе и в Измайлове на тамошних прудах».²²

Замечательно, что именно на этих «Набережных прудах», в прудах Измайлова и Преображенского мальчик Петр получил свое пристрастие к навигационному искусству. Именно здесь был его первый потешный флот (позднее — на Яузе и Плещеевом озере у Переяславля-Залесского). Потешный флот соответствовал потешным полкам Петра в тех же садах.

Тем не менее встает вопрос: почему доставляло удовольствие плавать в потешных лодках и разного типа потешных кораблях не на естественном уровне Москвы-реки, а на искусственном уровне — над рекой?

Ответ, я предполагаю, должен учитывать то обстоятельство, что и сады в Кремле делали на искусственном уровне — высоко над естественным уровнем почвы. Комнатные сады, о которых говорит И. Забелин, — это, конечно, не сады в комнатах по типу «зимних садов» и оранжерей, которые были модны в XIX в., это сады на уровне этажей палат, из которых имелись в них особые выходы.

Устройство висячих садов на каменных сводах, под которыми хранились требующие сухости запасы соли и зерна, стоило огромных средств. В них на определенной высоте устраивались пруды, стоившие также огромных средств, так как для того, чтобы удержать воду, необходимы были сотни пудов свинца, требовалось устройство водопровода, надо было поднимать воду на большую высоту и пр., и пр. В 1685 г. для нового Верхового каменного сада пошло, например, 640 пудов свинца, из которого лили доски, клали их по сводам и запаивали. Курьез состоял и в том, что водная поверхность прудов располагалась рядом с водной поверхностью Москвы-реки. Но она была значительно выше, и эта раз-

²² И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., с. 76.

ница уровней — натурального и искусственного — создавала особое ощущение «ненастоящности», которая требовалась для барочных садов. Ощущение «ненастоящего» поддерживалось и росписями — травным орнаментом в садах, где были и натуральные цветы, и тем, что собирались и сажались растения «не по климату», в частности виноградная лоза. На Набережных прудах строились лодки различных типов, но, что важно, — меньшего, чем натуральный, размера.

Затем необходимо помнить, что многие церкви конца XVII в. также учитывали потребность в обозрении местности с высоты и имели над своими подклетами высокие гульбища. Прежде чем войти в храм, молящиеся поднимались по открытой лестнице на некую платформу, с искусственной высоты которой открывался вид на окружающую местность. На это высокое гульбище молящиеся могли выйти во время службы из душевой церкви, чтобы отдохнуть. Гульбище создавало особое настроение «вознесенности» молящегося над землей, над ее обычным уровнем. Такие гульбища имели церковь Покрова в Филях, Успения на Покровке, гульбищами обстраивался в XVII в. Василий Блаженный. В селе Коломенском в церкви Вознесения были также гульбища и на стороне, обращенной к Москве-реке и к заливным лугам, на которых часто происходила охота, при Алексее Михайловиче было поставлено «царское место», откуда царь мог любоваться далью. Гульбища существовали вокруг трапезной церкви в Троице-Сергиевой лавре и во многих других церквях XVI—XVII вв.

Висячий сад был устроен и в Ростове Великом по инициативе знаменитого ростовского строителя митрополита Ионы.²³

Архитектура в конце XVII в. стремилась быть «ненатуральной», «потешной», как бы игрушечной. В церквях эта «игра» была серьезная, в садах же и прудах Кремля — несерьезная. Но обе эти игры стремились оторвать человека от естественного, заставить его ощутить нереальность реальности, победить в нем чувство тяжести. Своды с висячими гирьками, как бы опирающиеся на воздух, затейливой и чрезвычайно разнообразной формы купола, маковины, шатры, кровли разнообразной формы, в которых устраивались различные выпучины, бочковидности и пр., — создавали то же впечатление нарушений законов тяготения. Проблема преодоления пространства в постановке высоких церквей и колоколен, издали видных, всегда была на Руси одной из основных проблем особого восприятия окружающего мира. В конце XVII в. определился еще один аспект этого стремления к (преодолению) пространства путем подъема человека на искусственную возвышенность, создания искусственного более или менее высокого уровня, как бы конкурирующего с уровнем земли и воды в естественной среде.

²³ А. Н. Свирин. Корбуха. Сергиев посад, 1925, с. 7—8.

Плавание в потешных прудах высоко над уровнем воды в Москве-реке давало, по-видимому, наиболее острое ощущение ирреальности окружающего.

Это стремление относиться к реальному как к нереальному было сильно даже у Аввакума. Его отношение к сибирским горам в Даурии как к палатам корреспондировало его общему отношению к существующему в мире порядку: демонстрировало призрачность настоящего мира и настоящность потустороннего, в котором совсем другие ценности, иная, подлинная, «вечная» стабильность.

Искусственные сады, пруды, насаждения создавали особые миры, микромиры, подобно тому как создавали их типичные для Москвы здания-ансамбли. Даже церковь Василия Блаженного в XVII в. была именно таким ансамблем микромиров, в котором «каждая отдельная церковь имела кругом себя проходы; каждая имела свой причт, свое управление и свой праздник, в честь которого и называлась. В проходах устраивались торжественные крестные ходы».²⁴

Для разведения садов вербовались русские садоводы: «старцы» монастырей (в русских монастырях, как и в западных, имелись сады), «иностранцы» с северного и южного Кавказа (обязанность их была привозить семена редких растений, черенки винограда и пр.) и западноевропейцы — по преимуществу голландцы.

Основная обязанность западноевропейских садоводов состояла, конечно, не в том, чтобы создавать стиль сада, а в том, чтобы насаждать в садах различные редкостные, экзотические растения, строить, расписывать, населять сады заморскими птицами в клетках и вольерах и т. д. Все это уже само по себе создавало в садах стиль голландского Барокко. Стиль последнего входил в садоводство как бы сам собой. «Во всех садах висели клетки с канарейками, рожками и даже попугаями. Но любимая нашими предками и преимущественно садовая птица была пелепелка (перепелка, — Д. Л.). В 1667 г., при царе Алексее Михайловиче, в комнатном саду висело несколько клеток с пелепелками, сетки у этих клеток были шелковые».²⁵

И. Забелин опубликовал документ (вернее, содержание документа), по которому гости Андрей Виниус и Иван Марсов 6 сентября 1654 г. купили по царскому указу и повезли в Москву из Голландии через Архангельск:

«2 птицы попугая.

Да садовых дерев:

2 дерева оранжевых яблок,

²⁴ Д. П. Сухов. Архитектура собора Василия Блаженного в Москве. — В кн.: Русская архитектура. М., 1940, с. 50.

²⁵ И. Забелин. Московские сады в XVII столетии, с. 14—15.

2 дерева лимонных,
2 дерева винных ягод,
4 дерева перзиковых слив,
2 дерева априкозовых яблок,
3 дерева шпанских вишен мореллен,
2 дерева миндалных ядер,
2 дерева болших, сливы».

Во время их пути на Двине один из попугаев — «маленкой попугайчик словоет парактита, кой дан двенадцать яфимков, занемог и помер».²⁶

Самое, может быть, интересное для садового искусства XVII в. состоит в том, что в кремлевских и подмосковных садах устраивались типичные для Барокко «обманные перспективы» — «trompe l'oeuil» (сохранившиеся, впрочем, и впоследствии — в садах Романтизма).

И. Забелин сообщает о Верхнем кремлевском саде: «В 1684 г. перспективный мастер Петр Энглес украсил и этот сад перспективным письмом».²⁷

И. Забелин пишет про Измайлово, что в его «виноградном саду» «стояли три терема или беседки, украшенные резбою и расписанные красками. Около теремов были гульбища или галереи, также украшенные. В Просяном саду также строились два чердака или терема. В том и другом саду стояли сверх того перспективы — картины, писанные состоявшим при Измайлове живописцем перспективного дела мастером Петром Энглесом».²⁸

После смерти Алексея Михайловича сады в Измайлове были описаны. Вот некоторые о них данные по И. Забелину: «Виноградный сад, огорожен кругом заборы в столбы, а в заборе четверы ворота с калитками, крыты тесом, верхи у ворот шатровые. А по мере того саду шестнадцать десятин. А в саду яблони, вишни, груши, сливы, дули, малина, смородина, земляница, клубника и розные всякие травы с цветами; десять кустов винограду, одиннадцать кустов орехов грецких. А среди саду три терема со всходы и с красными окнами, кругом их перила; около теремов пути, меж путей столбцы точеня. Теремы, столбцы и грядки писаны красками. . .». В том же роде идет описание дальше. Затем дается описание Просяного сада: «Просянской сад, а в нем 142 яблони, да в нем же два чердака, один несовершен да переспективно писаны красками. Меж творил (парниками, — Д. Л.) столбы и к ним прибиваны грядки, писаны красками. Меж столбов и меж грядок барбарис и крыжевник, малина и смородина. А творила обиваны тесом; а в сад шестеры ворота и в том числе двои ворота с вышками, крыты тесом; одне писаны красками, на-

²⁶ И. Забелин. Выписка заморских деревьев в 1654 году, с. 52—53.

²⁷ И. Забелин. Московские сады в XVII столетии, с. 13.

²⁸ Там же, с. 9.

верху три яблока золоченых; четверы ворота крыты шатрами тесом. Да в том же саду смотрильня да пруд... Сад, что на острове, не в доделке...» и пр.²⁹

Небезынтересны и другие данные, сообщаемые И. Забелиным: «Таннер, описывавший пребывание в Москве в 1678 г. польского посольства, говорит, что обширная измайловская равнина так понравилась царю, что он завел на ней два сада, один на манер итальянский, а в другом построил огромное здание (дворец) с тремястами малых со щипцами башен». Далее Забелин приводит другое свидетельство: «Рейтенфельс также упоминает об Измайлове, как об одном из любимых загородных царских мест, в котором, говорит он, был огромный сад и лабиринт».³⁰

Сведение о существовании лабиринта («вавилона») в саду в Измайлове чрезвычайно интересно. Эта садовая затея была почти обязательна на Западе, но служила она в разное время разным целям, имела разный смысл.

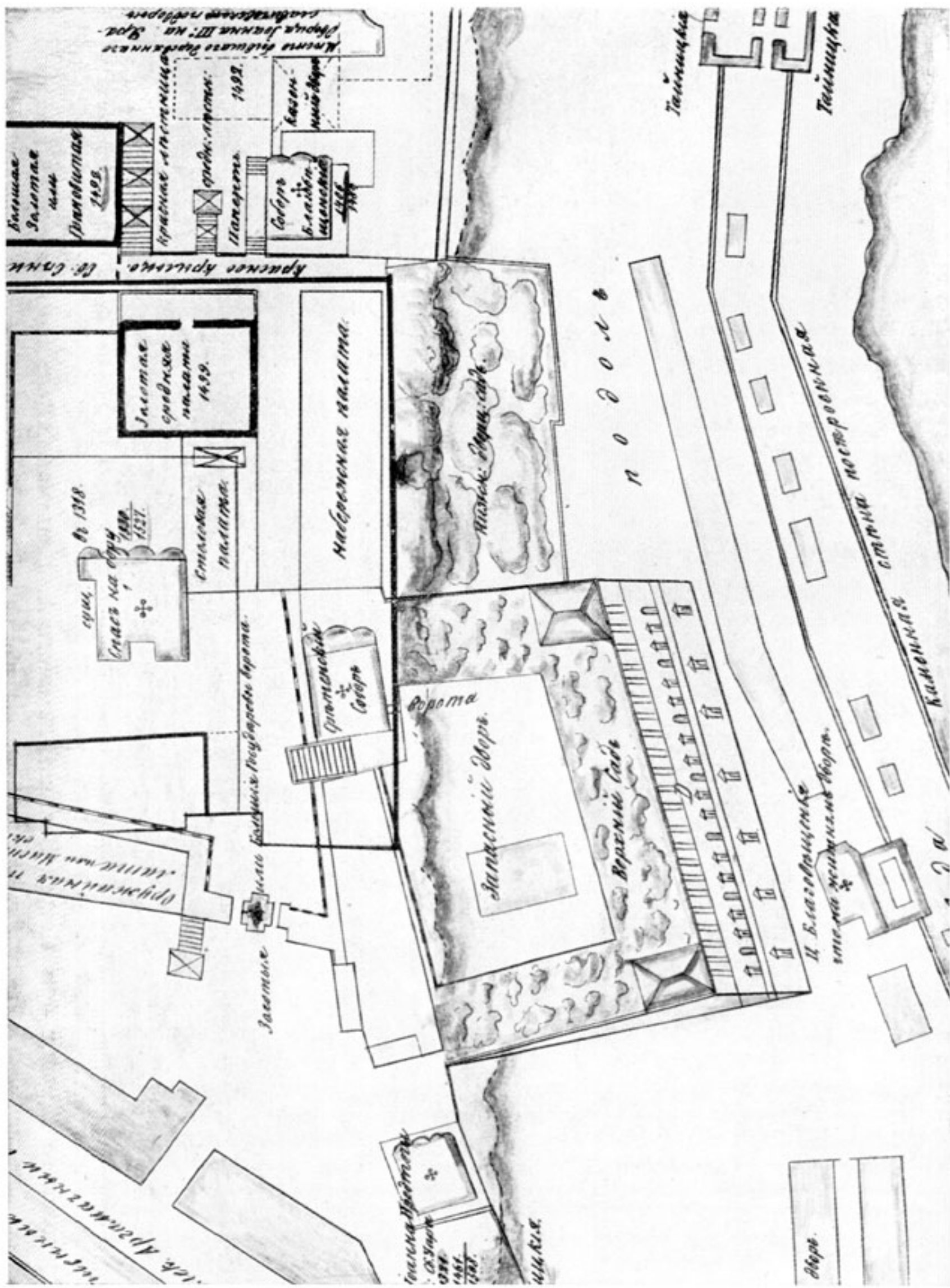
В монастырских садах Средневековья лабиринт, как я уже писал, чаще всего изображал распространенный в католической эмблематике крестный путь Христа. На каждой из остановок Христа ставилась его статуя с крестом на спине. Но лабиринт мог изображать и путь человека, которого за каждым углом поджидают смертные грехи или пороки, встречаются добродетели и т. д. Последний сюжет трансформировался в эпоху Ренессанса и Барокко в путь человека, встречающего аллегорические наставления в виде групп на сюжеты басен Эзопа, а в XVIII в. — Лафонтена. Басенные сюжеты вскоре вышли за пределы лабиринта, а сам лабиринт стал служить одной из забав (зайдя в него, надо было уметь из него выбраться) или (в эпоху Романтизма, когда в моду и «стиль» поведения вошли длинные прогулки) — для простого удлинения пути гуляющего.)

К сожалению, у нас нет данных, чтобы судить о значении лабиринта в селе Измайлове. В одном мы должны быть уверены: лабиринт не мог быть украшен статуями, скульптурными аллегориями. Это было бы противно всему духу допетровской России. Скорее всего лабиринт в Измайлове служил для потехи, что в общем и соответствовало духу голландских садов.

²⁹ Там же, с. 10—11.

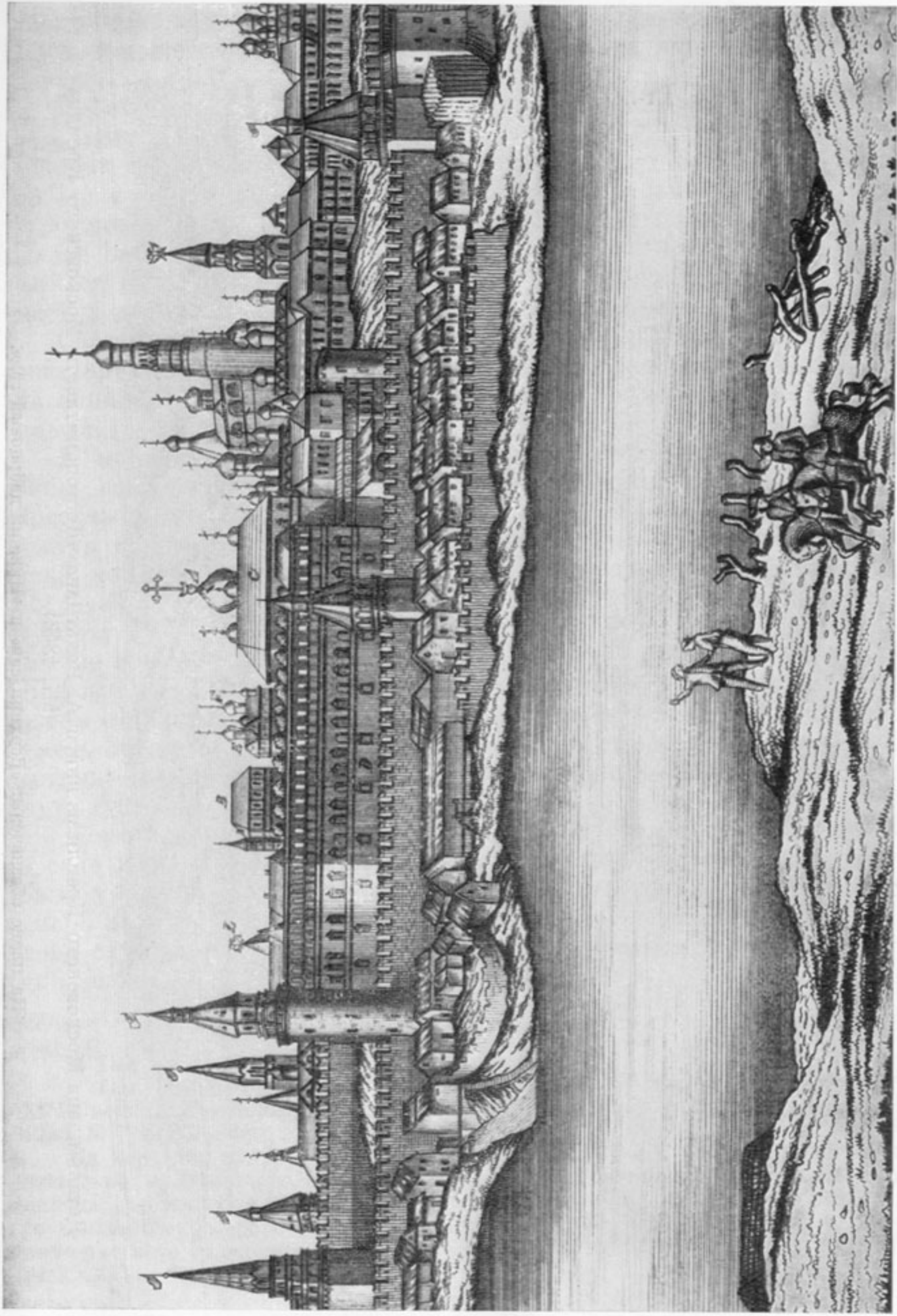
³⁰ Там же, с. 8. План сада в Измайлове опубликован С. Палентреер: Сады XVII века в Измайлове. — Сообщения Института истории искусства АН СССР, М., 1956, № 7, с. 80—104.

На чертеже «Потешных палат с садом» (XVII в.), располагавшихся предположительно в Измайлове, по углам сада находятся палаты, а в центре сада — «вавилон» (лабиринт) с ключом, бившим в его середине. Сад был разбит на квадраты со сложной планировкой дорожек, нигде не повторявшихся. Издано: Записки Славяно-русского отделения имп. Русского археологического общества, т. II. СПб., 1861, № XXXIV.

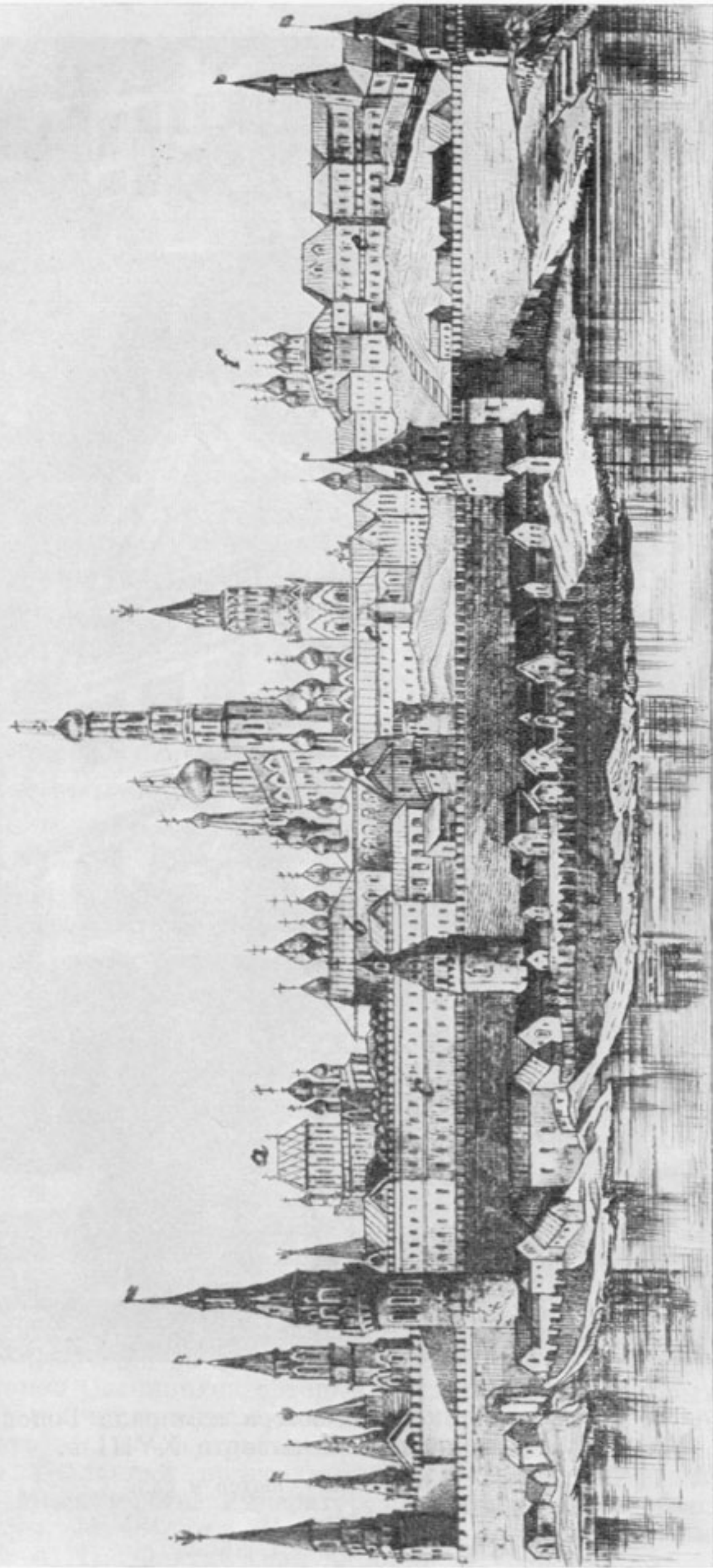
Деталь плана Московского Кремля из книги А. Вельмана «Достопамятности Московского Кремля» (М., 1843).

На плане обозначены: «Верхний сад» и «Нижний дворцовый сад».

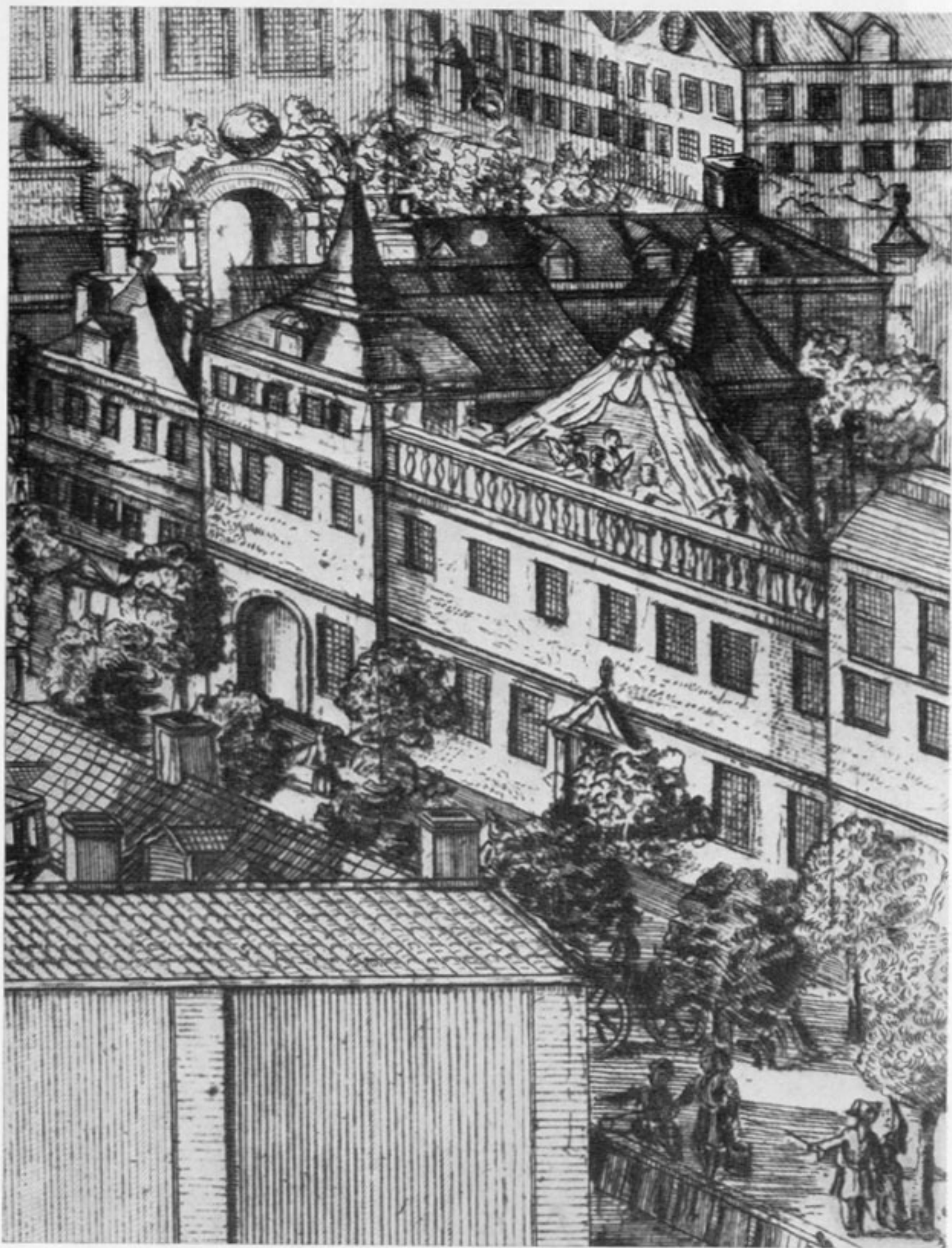
Вид Московского Крѣмля при Петре Великом из книги А. Вельмана «Достопамятности Московского Крѣмля»
(М., 1843).

На гравюре видны верхушки деревьев «Верхнего сада».

Vue du Kremlin sous Pierre le grand

Другой вид из той же книги А. Вельмана. Видны верхушки деревьев «Верхнего сада».

Деталь из плана усадьбы великого канцлера адмирала Головкина под Москвой. Гравюра первой четверти XVIII в.

На третьем этаже дома — шатер и сад.

Наконец, следует указать на существование в Измайлове зверинца, где, согласно запискам И. Корба и Ю. Юста, жили медведи, леопарды, рыси и др.³¹

Кроме того, в Просяном саду существовали фонтаны, у которых вода била из пасти зверей. Все это указывает на богатую организацию садов, мало чем отличавшихся от северных садов в стиле голландского Барокко.

³¹ *И. Г. Корб.* Дневник путешествия в Московию. СПб., 1901, с. 104—105; Записки Юста Юля. М., 1899, с. 162. Подробные данные о садах в Измайлове см.: *С. Паленгреер.* Сады XVII века в Измайлове, с. 80—104. Здесь же опубликованы снимки с чертежа XVII в., изданного под редакцией Ламанского: Приложения ко II тому «Записок Славяно-русского отделения имп. Русского археологического общества». СПб., 1861.